

Едва четвертый принц успел излить свою тоску, как его мать прибыла в кабинет.

Громкие объявления предвещали прибытие. В отличие от благородной супруги Жун и супруги Шу, остальные не спешили, следуя протоколу. Они ожидали высочайшего соизволения, прежде чем переступить порог.

Сюэ Цзинань сверял каждое появление с тщательно заученными деталями из романа, сопоставляя реальность с вымышленным текстом.

Третьей прибыла супруга Дэ, родная мать первого принца, дочь Линь Жофу, главы приказа Далисы. На ней был не привычный дворцовый наряд, а строгий чёрный костюм для верховой езды, а в руке она сжимала чёрный кожаный кнут. Вошла она с уверенностью и раскованностью движений, что затмевало её скромные черты лица, делая её облик необычайно эффектным и властным.

В оригинальном романе упоминалось о трёх увлечениях супруги Дэ: вино, карты и верховая езда.

Но пила она посредственно, а в карточных играх не отличалась спортивной злостью. Её истинным талантом была лишь верховая езда, которой император не мог не восхищаться. Хотя он не часто посещал дворец Цинъань, но на каждой охоте супруга Дэ была неизменно рядом. В дворцовом зверинце для неё выделили отдельный уголок, где она держала любимых лошадей и предавалась своему увлечению.

Верховая езда была её подлинной любовью, настолько сильной, что даже заключение наследного принца в августе не смогло помешать ей отправиться на осеннюю охоту в сентябре.

За супругой Дэ появилась супруга Сянь, мать третьего принца. Ещё до её появления её громкий голос раскатился по залу, словно громовой раскат:

— Ваше величество!

Ворвавшись в покои, она первым делом бросилась к императору с вопросом: «Вы целы?», затем обернулась и обрушила гнев на окружавших его евнухов, служанок и гвардейцев. Не пощадила она даже Ли Хэчуня, сурово упрекая его:

— Неспособность защитить императора заслуживает смерти!

Супруга Сянь происходила из воинской семьи, где её отец, дяди и братья отличались крепким телосложением и внушительным видом, особенно её брат Цянь Дэчжун, словно воплощение Ли Куя*. Но она сама, словно опровергая законы природы, обладала поразительной красотой, затмевающей трёхтысячный гарем.

[Персонаж романа «Речные заводи», XIV века, автор – Ши Найань. Прозвище «Черный вихрь». Он является типичным примером прямолинейного, храброго и безрассудного персонажа.]

Даже в гневе, отчитывая придворных, она оставалась прекрасной. Конечно, эта красота не утешала тех, на кого обрушивалась её ярость.

Ли Хэчунь, главный евнух, служил императору более двух десятилетий и давно не слышал подобной выволочки. Натянутая улыбка сползла с его лица. Он дважды ударил себя по щекам, согнулся в поклоне и опустил голову, скрывая лицо. Лишь его тихий, смиренный голос произнёс:

— Этот слуга заслуживает смерти, этот слуга заслуживает смерти.

— Что за кучка бесполезных идиотов, — закатила глаза супруга Сянь, прежде чем отпустить провинившихся.

...Да, именно так всё и происходило в оригинальном тексте. Сюэ Цзинань лихорадочно прокручивал в памяти сцены с участием супруги Сянь. В каждой из них она неустанно отчитывала окружение императора, обвиняя в халатности. И чаще всего её гнев доставался Ли Хэчуню, личному евнуху императора.

Сам третий принц, известный своей горячностью и признанный лучшим воином среди братьев, после совершеннолетия вступил в лагерь Вэйху (Могучий тигр) Юго-Западной армии, служа под началом своего дяди, генерала Цянь Дэчжуна. Он накопил немало военных заслуг и использовал эту возможность для укрепления своей власти среди военных семей.

Но, увы, двор – это поле битвы для интеллектуалов, плетущих сети власти. Третьему принцу не хватало опытных советников, и он не смог закрепиться в политической борьбе. Пока первый и пятый принцы яростно сражались за влияние, он завоёвывал сердца и умы в армии. Когда девятый принц стремительно возвысился и бросил вызов второму, он продолжал укреплять свои позиции в войсках. И даже когда четвертый и шестой принцы пришли к власти, он оставался в армии.

В конце концов, пятый принц сошёл с ума, первый был заключён в темницу, девятый получил выговор за инцидент с Цуй Цзуюем, а второй был казнён за мятеж. Считая себя старшим и самым достойным, самым «ценимым и любимым» сыном, он посчитал, что готов занять трон, и что младшие братья должны поддержать его в этом стремлении.

Но его гордыня сыграла с ним злую шутку. Он был тонко подкуплен лестью и ослеплён похвалами четвертого, шестого и восьмого принцев, которые обвинили его в «переоценке своих сил» и «стремлении к узурпации трона», фактически убив его чрезмерными похвалами.

Старый император, потрясённый недавним восстанием второго принца, находился в состоянии крайнего умственного расстройства. Шпион из Фэнъичу донёс, что даосский священник

предсказал третьему принцу судьбу: «С востока явится благоприятное пурпурное облако, его благородство неопишимо». Его добродетельная слава распространилась среди народа, и даже министры возносили ему хвалу. Естественно, император был недоволен и приказал провести расследование. Неожиданно выяснилось, что в резиденции третьего принца незаконно производилось оружие и драконьи одежды, что всё там вышло из-под контроля.

Взбешённый император приказал императорской гвардии окружить резиденцию третьего принца, угрожая свержением. Придворные чиновники и другие принцы уговаривали его одуматься, но затем пришло известие о том, что три тысячи солдат из лагеря Вэйху прибыли на выручку третьему принцу. Это стало последней каплей. Третий принц, заявив, что намерен объясниться перед императором, повёл три тысячи вооружённых до зубов солдат штурмом на дворец!

...В конце концов, третий принц пал под градом стрел перед дворцом Цяньюань.

После гибели третьего принца, супруга Сянь была повешена во дворце Юнхэ. Ли Хэчунь лично следил за исполнением приговора.

В оригинальном романе приказ императора о казни супруги Сянь не был описан напрямую. Когда Ли Хэчунь позже доложил о её смерти, он использовал фразу «повесилась из страха перед наказанием», а император, услышав эту новость, долго стоял в одиночестве на ступенях дворца, словно погружённый в глубокое раздумье.

Среди читателей бытовало мнение, что смерть супруги Сянь стала мезью Ли Хэчуна, сведением личных счётов. Этот эпизод символизировал старость и слабость императора, ослабление его власти и недовольство даже среди доверенных лиц.

Сюэ Цзинань отчётливо помнил все эти читательские теории, ведь сам был увлечён императором и испытывал к нему некую сентиментальную привязанность. Он посвятил анализу этого персонажа тысячи слов и тщательно перепроверял каждую деталь в романе, записывая свои мысли в пространных заметках. Площадка для комментариев часто зависала, поэтому Сюэ приходилось полагаться на собственные конспекты.

К слову, несмотря на равный статус третьего и второго принцев в кабинете, первый занимался придворными интригами, в то время как его младшие братья только набирались опыта. Это был тот самый случай, когда «кот из дома – мыши в пляс».

Вслед за супругами Дэ и Сянь появилась супруга Чжэнь, окружённая аурой изящества и благородства. Элегантная и благородная внешность четвертого принца была явно унаследована от матери, но в облике супруги Чжэнь эта красота была тронута печатью тихой меланхолии. На её правом запястье красовался искусно сплетённый браслет из красного агата, состоящий из ста восьми бусин, на каждой из которых были выгравированы буддийские стихи на санскрите, полностью скрывающий нежную кожу.

В руке она держала чётки из нефрита изумрудного цвета, а от неё исходил тонкий аромат

сандалового дерева, свидетельство многолетней буддийской практики. Опущенные глаза и сострадательное выражение лица напоминали бодхисаттву в буддийском храме. Даже красная родинка под её глазом, призванная быть символом кокетства, выглядела благородно.

— Эта наложница приветствует Ваше величество, — произнесла супруга Чжэнь, склонившись в глубоком поклоне.

Император невольно выпрямился, и его грозная аура слегка смягчилась. Он кивнул и произнёс:

— Не нужно формальностей, прошу, садитесь.

— Благодарю, Ваше величество.

Супруга Чжэнь выпрямилась, но не спешила занять предложенное место. Её взгляд скользнул по ряду принцев, оценивая каждого из них.

Четвертый принц тут же выглянул из-за спины третьего, всхлипывая и ища утешения:

— Матушка...

Но не успел он договорить, как супруга Чжэнь перевела взгляд и увидела Сюэ Цзинаня, скромно сидящего в углу на стуле. Сюэ Цзинань чувствовал себя неловко, зажатый между двумя обнимающимися матерями и сыновьями, да ещё и заслонял своим присутствием торжественный выход других наложниц.

Поэтому, пока Ли Хэчунь сопровождал двух наложниц к их местам и велел евнухам убрать стул, освободившийся после ухода пятого принца, Сюэ Цзинань со всей прилежностью перенёс свой стул в угол и старался сидеть как можно тише, наблюдая за происходящим.

Все, кто следил за его действиями, ахнули от удивления, даже Ли Хэчунь, стараясь не упустить из виду выражение лица императора.

Император:

— ...

Насмотревшись на то, как Сюэ Цзинань умеет «душить» людей, решил отвернуться и не обращать на него внимания.

Ли Хэчунь в душе прошипел, и тайно повысил статус седьмого принца. Независимо от того,

Помимо Ли Хэчуня, Сюэ Цзинань ловил на себе частые взгляды, полные удивления, зависти или даже ревности от других принцев – чувства эти были слишком сложны, и Сюэ Цзинань, чья «батарейка» и без того была почти разряжена, не собирался их анализировать.

Поскольку никто из них так и не проронил ни слова, то принял решение просто игнорировать их и сосредоточиться на продолжении наблюдения за разворачивающейся семейной драмой.

Плакавший перед братьями шестой принц с опозданием ощутил неловкость, все еще не оправившись от страха после покушения. Он хотел остаться рядом с матерью, но супруга Шу мягко, но непреклонно отстранила его от себя.

Губы шестого принца задрожали, и он чуть не расплакался снова, но супруга Шу лишь предостерегающе подняла палец. Сделав глубокий вдох, шестой принц сглотнул рыдания и, повинуясь, взял предложенный матерью платок, начав вытирать покрасневшее, грязное лицо.

После чего супруга Шу с непринужденным видом вступила в светскую беседу с императором и благородной супругой Жун.

Поведение супруги Шу казалось чересчур холодным, а послушание шестого принца – душераздирающим, из-за чего вся сцена создавала впечатление излишней суровости по отношению к сыну.

Однако «камера высокого разрешения» Сюэ Цзинаня отчетливо зафиксировала, как взгляд супруги Шу, казалось бы невзначай, постоянно возвращался к лицу шестого принца. Когда же принц закончил приводить себя в порядок и собрался убрать платок, она ловко перехватила его, чтобы тщательно вытереть последние следы слез.

Напротив, благородная супруга Жун нежно держала руку пятого принца, ее глаза покраснели, готовые пролиться слезами при упоминании о покушении и ранах сына, выражая глубокую материнскую боль и сострадание, но при этом совершенно не замечала, как рука пятого принца медленно скользит к раненому боку.

Обезболивающий эффект лекарства терял свою силу, но кровоостанавливающее средство проникало в рану, вызывая острую, жгучую боль. Губы пятого принца судорожно сжались, лицо побледнело.

Без сравнения, нет вреда. Даже Сюэ Цзинань, не отличавшийся особой наблюдательностью, по мельчайшим деталям мог определить, кто хороший, а кто плохой.

Если бы пятый принц не был так связан по рукам и ногам, не использовался, как орудие в руках благородной супруги Жун, Сюэ Цзинань с удовольствием покопался бы в его тканевой сумочке и достал бы оттуда фрукты и семечки дыни. Это необходимый аксессуар для наблюдателей за подобными зрелищами в романах.

Так что у пятого принца явно была с собой своя собственная сумка, и если он не хотел, чтобы все знали, что он носит с собой лекарство от ран, то зачем бы ему было использовать его, как прикрытие? Мог бы просто солгать, если спросят, ведь пятый принц был мастером убедительной лжи.

Сюэ Цзинань тихо выругался про себя, быстро очистил свою эмоциональную «кладовку», а затем открыл приложение для заметок, чтобы начать копировать навыки.

«Действовать вопреки велениям своего сердца» - усвоил!

«Притворяться жалким» - усвоил!

«Играть на жалости к себе» - усвоил!

...В этот момент Сюэ Цзинань почувствовал на себе взгляд супруги Чжэнь. Он заметил, что взгляд ее начался с браслета из древесины кровавого дракона на его запястье.

— Баонин, — голос супруги Чжэнь был таким же мягким и нежным, как весенний ветерок, — я слышала, что убийца напал первым на тебя, но, к счастью, ты оказался сообразительным и сбежал, даже сильно ранив его. Какие травмы ты получил?

Сюэ Цзинань не отличался искусством вести беседы, но и полным идиотом его назвать было нельзя. Он ясно почувствовал, что после слов наложницы Чжэнь взгляды императора и благородной супруги Жун обратились к нему.

Сюэ Цзинань безмолвно открыл свою виртуальную записную книжку: «Использование чужих рук для грязной работы, посев раздора, мешать правду с ложью...» - взял на заметку!

— Великая вдовствующая императрица прибыла... — внезапно раздался снаружи голос молодого евнуха.

Император поднялся со своего места и поспешно вышел навстречу. Вслед за ним двинулись благородная супруга Жун, супруга Шу, супруга Чжэнь и принцы в порядке старшинства.

Сюэ Цзинань тоже поднялся, но строго следовал правилу учебника: «три шага для приветствия, семь шагов для прощания», - сделав три шага и затем остановившись, молча наблюдая, как фигуры принцев исчезают вдаль. Шестой принц заметил это и на мгновение замер. Он увидел, что другие принцы, похоже, не собираются его предупредить; третий принц даже злорадно усмехнулся, а пятый брат, казавшийся его ближайшим другом и шедший вместе с седьмым принцем, прошел мимо с мрачным, бесстрастным видом, заставив его усомниться в желании позвать его.

Шестой принц на мгновение заколебался, затем обернулся и прошептал:

— Седьмой... седьмой брат, пойдём.

Сюэ Цзинань наклонил голову.

— Зачем?

Шестой принц впервые обращался к своему седьмому брату, и этот вопрос его очень взволновал. Его легкое заикание усилилось, и он с трудом выговорил хоть одно предложение:

— Разве... разве ты не слышал?... Прабабушка... здесь! Мы должны... должны выйти и поприветствовать ее!

— Я сделал три шага, — сказал Сюэ Цзинань, точно указывая на каждый шаг, сделанный принцем, и считая за него: — Один, два, три. Три шага.

Дедушка шестого принца по материнской линии был министром ритуалов и обладал обширными знаниями этикета. Он на мгновение замер, осознав, что действительно говорил о «трех шагах для приветствия», и тут же замотал головой:

— Нет! Нет! Это другое!

— В чем разница? — спросил Сюэ Цзинань.

— Ну, дело в том... что... мы...

Шестой принц отчаянно хотел всё объяснить Сюэ Цзинаню, но чем больше он волновался, тем сильнее заикался, и чем сильнее заикался, тем более бессвязной становилась его речь, пока он не начал обильно потеть.

Вдруг виновник его затруднений выпалил:

— Великая вдовствующая императрица прибыла в учебный кабинет.

— Ах, небеса! — Шестой принц, не находя слов, топнул ногой и крепко схватил Сюэ Цзинаня, но даже его искаженное, близкое к слезам лицо не могло его сдвинуть с места.

Он невольно оскалил зубы:

— Пошли!

— Хорошо. — Сюэ Цзинань не понял, но послушно выполнил введенную команду.

Когда они вышли, процессия императрицы-бабушки уже достигла центрального двора. Тела двух убийц уже давно унесли; лишь лужица воды, оставшаяся после смывания крови, указывала на их недавнее присутствие.

В этот момент шестой принц был благодарен за то, что у него много братьев; затеряться в толпе не будет слишком сложно.

Великая вдовствующая императрица вошла в кабинет в сопровождении другой женщины в дворцовых одеждах. Су-момо шла следом, а Лу Бинчжу, вернувшийся некоторое время назад, стоял рядом с Су-момо, держа в руках окровавленную форму гвардейца.

Женщина в дворцовых одеждах выглядела лет на тридцать с небольшим, однако ее наряд был чрезмерно строгим, граничащим со старомодностью. Не видя ее лица и волос, можно было бы принять ее за представительницу того же поколения, что и великая вдовствующая императрица.

Тихо, опустив глаза, она произнесла:

— Бабушка, будьте осторожны.

Нетрудно было догадаться, что это была императорская благородная супруга Мин из рода Цзян, клана, славившегося «тремя гунами и хоу и двумя великими секретарями». Семья Цзян состояла из бывших чиновников предыдущей династии, выдвинувших пять премьер-министров. На пике своего могущества они были известны как «Половина двора Цзян», пока восшествие на престол императора Ли едва не привело к их истреблению.

Когда-то чрезвычайно влиятельный клан Цзян сократился до двух ветвей, насчитывавших менее пяти человек.

Император Ли был тираном, покровительствовал коварным чиновникам, занимался расточительными строительными проектами и ввёл высокие налоги, что привело к всеобщим страданиям. Герои со всех уголков страны подняли восстание, и первый император был одним из них, хотя его ветвь была наименее заметной. Не имея влиятельных семейных связей, его восстание представляло собой войско, состоящее из странствующих мечников и нищих, доведённых до отчаяния.

Семья Цзян, благодаря своей проницательности, вложила значительные средства, предоставив как деньги, так и людские ресурсы, тем самым дав этому импровизированному войску шанс встать на ноги. Позже, когда первый император взошёл на трон, он даровал им два титула гогунов*: один своему тестю, патриарху Чжуну, которому был присвоен титул Нин гогуна, и другой патриарху семьи Цзян, которому был присвоен титул Фу гогуна.

К тому же, обе ветви рода Цзян были удостоены наследственных титулов: Аньнань хоу и Хуайинь хоу**. Соответственно, и их титулы не понижались на протяжении трех поколений. Но к четвертому колена титул хоу был понижен до Аньнань бо***. Этот бо и был старшим братом той самой императорской благородной супруги Мин, матери близнецов. Род же Хуайинь хоу был скуп на наследников: в двух поколениях был лишь один сын, а в третьем и вовсе родилась единственная дочь, получившая титул принцессы и взявшая в мужья ученого, занявшем третье место на государственных экзаменах. Их единственный ребенок принял фамилию Цзян.

[В эпоху Чжоу (1024-771 гг. до н. э.) иерархия аристократии была основана на происхождении и владении землёй. Царь (ван) жаловал своим родственникам и ближайшим сподвижникам уделы-феоды, а вместе с ними – наследственные аристократические титулы.

Существовало пять основных титулов: гун (князь или герцог); хоу (маркиз); бо (граф); цзы (виконт); нань (барон). Европейские титулы приведены для сравнения. В последующие династии титулы либо менялись, либо оставались неизменными.]

Но унаследовать титул ему было не суждено. Одаренный юноша с головой ушёл в учебу, с триумфом выдержал императорские экзамены и стремительной кометой взлетел по ступеням дворцовой иерархии, от академии Ханьлинь до министра. В сорок лет, унаследовав должность в Кабинете министров от своего дяди, отца императорской благородной супруги Мин, бывшего Аньнань хоу, он достиг зенита власти, став вторым человеком после самого императора.

Этим человеком был Шоуфу кабинета министров Цзян Вэнь.

Влияние рода Цзян затмевало мощью даже саму клан Нин гогуна. Когда-то их связывали узы брака, но спустя много поколений родственные связи стали крайне отдаленными. И если кто-то всё же пытался отыскать родственные нити, то обращение к великой вдовствующей императрице «двоюродная бабушка» звучало вполне приемлемо.

Императорская благородная супруга Мин, старше императора на два года, вошла во дворец вместе с императрицей Сяо Цзинь и сразу же удостоилась статуса супруги. Рождение старшей принцессы Баои вознесло её до благородной супруги, а появление на свет близнецов – второго принца и второй принцессы – до императорской благородной супруги.

Увы, второй принцессе было суждено утонуть в возрасте шести лет. Теперь у императорской благородной супруги Мин оставались второй принц, Сюэ Пэйлань, и принцесса Баои, Сюэ Муюнь – организатор заговора в эпилоге, которая в конечном итоге побеждает главного героя и молодого императора, становясь регентом.

Чу Вэньцин, распутав клубок злодеяний, связанных с торговлей людьми, спас дочь принцессы Баои, тем самым открыв себе двери в Министерство наказаний. Цуй Цзуй, прежде чем поднять знамя мятежа в Северо-Западной армии, некоторое время обитал в резиденции принцессы...

«Как и подобает главному злодею, его тень зловещей дымкой окутывает всё вокруг задолго до личной встречи», — подумала про себя Сюэ Цзинань.

— Бабушка, что привело вас сюда? — император шагнул вперёд, взяв руку великой вдовствующей императрицы, и с деланным упрёком воскликнул: — Такая мелочь обеспокоила вас. Я действительно вырастил кучу бесполезных дураков.

— Боюсь, это дело далеко не пустяк, — великая вдовствующая императрица похлопала императора по руке, бросив взгляд на что-то в руках Лу Бинчжу. Тот тут же выступил вперёд: — Врата дворца запечатаны, никто не входил и не выходил. Преступник скрывается где-то здесь, переодевшись слугой, евнухом или дворцовой служанкой. Лицо императора омрачилось. Убийца, ускользнувший от Лу Бинчжу, не просто ловок, но и подготовлен, его побег был тщательно спланирован. А это значит, что в этом грязном деле замешан кто-то из внутренних покоев.

— Раз так, начнём обыск с дворца Цынин! — великая вдовствующая императрица приняла окончательное решение. Её взгляд скользнул по залу, и она произнесла: — Хочу взглянуть, что это за трехголовое, шестирукое существо* сеет здесь смуту.

[В Священных писаниях говорится, что фаза дхармы Будды имеет три головы и шесть рук, что используется как метафора великих способностей. Метафора для обозначения людей, обладающих огромными сверхъестественными способностями и ужасающей мощью.]

Начавшись с дворца Цынин, обыск под предводительством самой императрицы-бабушки не встретил ни единого возражения. Императорская гвардия была поднята по тревоге, и вскоре весь дворец был перевёрнут вверх дном. Наконец, в пересохшем колодце неподалёку от Холодного дворца, о котором упоминал Шоуцзянь, был обнаружен труп.

— Я лично осмотрел этот колодец. Тела там не было, — холодно заявил Лу Бинчжу. — Установлена ли личность покойной?

— Это служанка Цуйюнь из дворца Ихэ. Она пропала несколько дней назад, — доложил командир императорской гвардии.

— Что?! Цуйюнь мертва?! — Благородная супруга Жун вскочила, её изумление казалось даже более искренним, чем у супруги Чжэнь.

Императорская благородная супруга Мин, притворившись задумчивой, небрежно обронила:

— Кажется, знакомое имя... Ах да... вроде бы, кто-то из дворца Чжаоян?

— Это я пожалела её и взяла к себе, — медленно произнесла супруга Чжэнь, нахмурившись и отложив в сторону свои нефритовые чётки. — Давно не видела Цуйюнь. Обнаружила, что она

подменила успокоительные благовония Сюань-эра, из-за чего тот несколько дней страдал от кошмаров. Я наказала её и выслала из дворца Ихэ, и больше её не видела.

Император, не подтверждая и не опровергая её слова, лишь спросил:

— Кто видел её последним?

— Согласно нашему расследованию, последним Цуйюнь видел евнух Вэй с малой кухни. Он утверждает, что она взяла у него хрустальные пирожные, сказав, что несёт его седьмому принцу, — доложил командир императорской гвардии.

Значит, всё-таки охотилась за мной. Предвидя это, Сюэ Цзинань спокойно принял направленные на него взгляды.

Активировав недавно освоенные навыки супруги Чжэнь, Сюэ Цзинань искусно скопировала её беспечный тон:

— Шпион из дворца Минхуа пытался совершить убийство в учебном кабинете, пострадал лишь шестой принц. Во дворце Ихэ служанка причинила вред принцу, по иронии судьбы, убийца, державший в плену пятого принца, исчез, а затем появилось её тело.

— Какое совпадение, — Сюэ Цзинань даже извлек из памяти выражение лица пятого принца, саркастически рассмеявшись.

В зале воцарилась тишина, которую прорезал с трудом сдерживаемый возглас юноши.

— Так, значит, мои успокоительные благовония подменили? — Четвертый принц потянул за рукав третьего принца, самодовольно ухмыляясь: — Вот видите, я говорил, что не могу так бояться этого маленького волчонка Сюэ Цзинаня, что не могу уснуть!

Переводчику есть что сказать:

ессо: Переводчики исторических новелл просто сверхлюди! У меня уже несколько отдельных страниц для всех имен и должностей, титулов, рангов наложниц и их взаимосвязей. Черт возьми, насколько же проще переводить про современность, даже будущее не настолько сложно!

<http://bllate.org/book/15803/1416669>